

ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

УДК 801.82+81'276

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ПАРЕМИЯХ РУССКОГО ЯЗЫКА В СВЕТЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА ГЕНДЕРНОЙ СТЕРЕОТИПИЗАЦИИ

Е.А. Аносов

GENDER STEREOTYPES IN RUSSIAN IDIOMS IN TERMS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE PHENOMENON OF GENDER STEREOTYPING RESEARCH

Y.A. Anosov

Рассматриваются основные методологические подходы к исследованию гендерной стереотипизации, иллюстрируемые пословицами и поговорками русского языка. Теории, акцентирующие своё внимание на межгендерных различиях, получают эмпирическое подтверждение на базе материала паремий. Теории, уделяющие основное внимание когнитивной деятельности человека, не могут быть в полной мере проиллюстрированы данным материалом.

Ключевые слова: мужчина, женщина, стереотип, методологический подход, гендер, социальная идентичность, когнитивный, теория.

The article deals with the matters of gender stereotyping research carried out with the help of methodological approaches such as cognitive theory, social constructionism theory, social roles theory, social identity theory and power-based theory. Many Russian idioms describing men and women prove to be a manifestation of some certain approach. The approaches focusing their attention on gender differences are more clearly illustrated by the idioms than those which view stereotyping as a cognitive process.

Keywords: man, woman, stereotype, methodological approach, gender, social identity, cognitive, theory.

Стереотипизация является одной из важнейших характеристик группового и межличностного восприятия и рассматривается психологами как восприятие и оценка социальных объектов на основе определённых представлений (стереотипов)¹. В лингвистике данный феномен можно наблюдать в устойчивых сочетаниях, идиомах, фразеологизмах, пословицах, поговорках. Паремиологический фонд языка является источником стереотипных воззрений и взглядов, подвергающихся незначительным изменениям с течением времени. Гендерные стереотипы, рассмотрению которых посвящена данная работа, являются одним из наиболее

ярких примеров отражения феномена стереотипизации в языковых паремиях.

Данная статья рассматривает гендерные стереотипы в паремиях языка как отражение различных теорий и подходов, применяемых к исследованию феномена гендерной стереотипизации. Рассмотрение стереотипов, зафиксированных в паремиях языка, с позиции их отношения к какой-либо теории или научному подходу представляется нам значимым и в определённой степени необходимым, поскольку это позволяет объяснить существование и функционирование стереотипа в языке, а следовательно, в речи, и, возможно, при обнару-

Аносов Егор Александрович, сотрудник кафедры международных коммуникаций, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), аспирант кафедры романских языков и межкультурной коммуникации, Челябинский государственный университет; научный руководитель – Нефёдова Л.А., доктор филологических наук, профессор. E-mail: alteregor84@mail.ru

Yegor A. Anosov, assistant, International Communication Department, South Ural State University (Chelyabinsk); post graduate, Romanic Languages and Cross-cultural Communication Department, Chelyabinsk State University; Scientific Supervisor – Liliya A. Nefyodova, PhD (Linguistics), Prof. E-mail: alteregor84@mail.ru

жении его несостоятельности, слабой связи с действительностью, отказаться от его дальнейшего использования, либо подвергнуть его корректровке. Анализ стереотипов в данной работе проводится на материале паремий русского языка.

Существование гендерных стереотипов в паремиях обусловлено эмоционально-экспрессивным характером паремий в целом, заложенной в них оценочностью по отношению к людям и жизненным явлениям. Эмоциональность и экспрессивность в тексте пословиц и поговорок позволяет дать образную характеристику ситуации, субъекта, объекта или состояния², неизбежно приводя к возникновению стереотипных воззрений и взглядов.

Напомним, что основными методологическими подходами к исследованию гендерных стереотипов являются когнитивная теория (С. Бэм, Д. Гамильтон, О. Клайберг, Дж. Крокер, Дж. Олпорт, Д. Тейлор и др.), конструктивистский подход (Дж. Батлер, П. Бергер, Г. Гарфинкель, И. Гоффман, Д. Зиммерман, Т. Лукман, К. Уэст), теория социальных ролей Э. Игли, теория социальной идентичности Г. Тэджфела и Дж. Тернера, а также теория властных отношений (С. Фiske, М. Гудвин, Л. Габин).

При рассмотрении вышеперечисленных теорий уместно будет обратиться к содержанию гендерных стереотипов. Поскольку гендерные стереотипы отражают взаимодействие двух противопоставленных друг другу групп – мужчин и женщин, их содержание определяется сгруппированным в пары набором гендерно маркированных качеств. Подобная категоризация позволяет лучше проследить различия, приписываемые мужчинам и женщинам общественным мнением. Данные категории включают: характеристики и качества, связанные с деятельностью и активностью, соотносимые с позициями власти и управления, с процессами межличностного взаимодействия, характеристики и качества эмоциональной и когнитивной сфер, а также набор социальных ролей, подвергающийся стереотипизации³.

Основное значение для нас в данном исследовании имеют подходы, акцентирующие внимание на межгендерных различиях. Обращаясь к ним, мы видим, что многие пословицы русского языка являются отражением теории социальных ролей Элис Игли, основой которой является утверждение о том, что выполнение мужчиной и женщиной, мужем и женой ролей, отражающих межполовое разделение труда, приводит к их гендерным различиям. *Муж молоти пшеницу, а жена пеки пшеницы; Мужик не прядёт, а без рубашки не ходит, а баба и прядёт, да не по две носит; Жена пряди рубашки, а муж вей гуж; Бабушка на печь, а дед по дрова; От мужика пахнет ветром, а от бабы дымом; Мужика на двор, бабу в дом*⁴ – эти примеры показывают, что в общественном понимании

между мужчиной и женщиной непременно должно существовать разделение обязанностей.

Теория социальной идентичности Генри Тэджфела и Джона Тернера устанавливает взаимосвязь между самооценкой личности и её групповой идентичностью и побуждает к достижению позитивной идентичности в рамках собственного коллектива. В ряде пословиц русского языка можно наблюдать тенденцию максимизации различий между членами своей и противоположной групп, описываемую Тэджфелом и Тернером в труде «Social Identity Theory of Intergroup Behavior»⁵: *Муж пьёт – полдома горит, жена пьёт – весь дом горит; Думал, идут двое – ан мужик с бабой; Плохой муж – худо, плохая жена – наихудшее; Муж от жены на пядень, а жена от мужа на сажень; Мужик – огонь, а баба – целый пожар; Злой мужик – как чёрт, а злая баба – как целое некло*⁶.

В проанализированных нами пословицах мужчины как высокостатусная группа оцениваются более позитивно по сравнению с низкостатусной женской группой, вследствие чего отсутствие позитивных качеств у женщин компенсируется такими определениями как добросердечность, эмоциональность, уступчивость⁷: *Сердце у неё так млеет: кого увидит, того и лелеет; Мужчина любит головой, а женщина думает сердцем; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, а он пуще шипит; Баба плачет – свой нрав тешит; Баба слезами беде помогает*. В приведённых примерах женский образ построен на различных формах метафорического переноса, с помощью которого достигается необходимый эффект.

Апологеты теории властных отношений указывают на то, что в данной сфере преобладают мужчины. Их позицию формируют традиционно присущие им стремление к лидерству, амбициозность, властность, сила, объективность, умение принимать решения, реалистичность, будучи противопоставленными женским покорности, беспомощности, зависимости, безответственности, слабости, вере в превосходство мужского пола, страстности, необъективности⁸. Женщины в свете данного подхода подвергаются негативной стереотипизации, что непременно находит отражение в следующих языковых единицах: *Муж в дому, что крест на церкви; Бей жену больней, будут щи вкусней; Жене спускать – добра не видать; Каков батька, таковы и детки; Жене покориться – в обезьяну превратиться; Мужчина без жены – голова без тела, женщина без мужа – тело без головы*⁹.

Когнитивная теория в отношении к единицам паремиологического фонда не будет представлять для нас большой ценности в данном исследовании, поскольку внимание когнитивистов сфокусировано на гендерных различиях в познавательных способностях, на содержании и истинности стереотипов, их структурных особенностях и свойствах¹⁰.

Несмотря на то, что ряд поговорок, выделенных из общей массы языковых единиц по методу сплошной выборки, прямо или косвенно указывают на различия в познавательных способностях мужчин и женщин (*Баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает; Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца; В длинном платье, да в коротком уме; И красавице ум не помещается; Красива – ещё не умна; Собака умней бабы: на хозяйна не лает; У бабы волос долог, да ум короток; Умница – как пёстрая курица*), они не всегда могут предоставить нам полную информацию об изучаемой проблеме.

Вышеупомянутые пословицы показывают, что познавательные способности и интеллектуальный потенциал женщин часто находятся в зависимости от их внешности. При этом высокая степень умственного развития для женщины не является обязательным условием счастливой и успешной жизни (*Добрая кума живёт и без ума; Умная жена как нищему сума*) – намного важнее, чтобы она была хорошей хозяйкой в доме, растила детей. Женщинам больше присущ не ум, а понятливость (*Девка ничего не знает, а всё разумеет*), что неизменно должно стать подспорьем в совместной жизни с мужем, от которого также в немалой степени зависит уровень семейного благополучия (*У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*). К тому же любовь призвана помочь женщине в этом (*На пути любви женщины умнеют*).

В целом, женщины и мужчины демонстрируют разный подход к интерпретации окружающей действительности. Женский ум, как показывают пословицы, действует вне рамок логики (*Женский ум лучше всяких дум*), больше реагируя на эмоциональные импульсы (*Мужчина любит головой, а женщина думает сердцем; Девичьи (женские) думы изменчивы*), что нередко оказывает разрушительное влияние на благополучие семьи и домашнего хозяйства (*Бабьи умы разоряют дома*). Беды, источником которых является мужской разум, не столь масштабны в сравнении с ситуациями, порождаемыми женским образом мышления (*Неразумный мужик банкет осрамит, неразумная баба дом опозорит*), что является очередным подтверждением максимизации различий между мужской и женской социальными группами, отмеченной в работах Тэджфела и Тернера. Однако благоразумие обоих идёт на пользу совместному хозяйству мужа и жены (*Умный мужчина перед женой отшутится, а умная женщина перед мужем всегда оправдается*).

Степень мужского ума во многом зависит от социального положения мужчины (*Кабы не барский ум, да не мужичья простота?*) или его статуса (*Постой, холостой, дай подумать женатому!*), простой же мужик не склонен планировать свои действия заранее (*Кабы цыгану тот ум наперед, что у мужика назади...*), проявляя некую

неосновательность в выборе жизненных решений (*На авось мужик и хлеб сеет; Мужик на счастье сеял хлеб, а уродилась лебеда*). При этом, считая себя умным, он противопоставляет себя миру (*Мужик умён, да мир дурак*). Тем не менее стремление к развитию познавательных способностей у мужчин также отмечено в поговорках (*От хорошего братца – ума набраться; от худого братца – рад отвязаться*).

Несмотря на то, что различия в познавательных способностях мужчин и женщин становятся очевидными на материале приведённых примеров, следует иметь в виду, что вопрос истинности содержания стереотипов, а также вопрос различий между мужчинами и женщинами в восприятии информации, являющиеся центральными вопросами теории когнитивистов, помимо упоминания в поговорках языка, требуют эмпирического подтверждения и могут быть полностью решены лишь с помощью результатов экспериментальных лингвopsихологических исследований.

Конструктивизм, в свою очередь, подобно когнитивизму, не способствует полному объяснению информации, передаваемой с помощью пословиц и поговорок, а лишь показывает, что формирование гендерного дисплея может происходить на базе ситуаций, описываемых в поговорках. Языковые поговорки могут стать источником материала, нормами, на основе которых складывается модель поведения индивида, дать определённый набор жизненных ситуаций и способов поведения в них, что крайне необходимо человеку в процессе его первичной социализации.

Таким образом, подходы, опирающиеся на межгендерные различия (теория социальных ролей, теория социальной идентичности, теория властных отношений), находят широкое отражение в единицах народной мудрости, и их постулаты подтверждаются рядом паремиологических единиц русского языка, что свидетельствует о взаимосвязи теоретических воззрений учёных в области языка и живого языкового материала. Когнитивная теория также обладает существенным языковым выражением, однако требует дополнительных эмпирических данных для полного решения вопросов, поставленных сторонниками данного направления. Конструктивистский подход, ввиду своей направленности на психофизическую сторону личности, не содержит значительных лингвистических данных, необходимых для языкового анализа.

¹ Батаршев А.В. Диагностика способности к общению. СПб.: Питер, 2005. С. 140.

² Шагиахметова Л.И. Функции паремиологических единиц // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. Вып. 30. № 10 (148). С. 157.

³ Рябова Т.Б. Стереотипы и стереотипизация как проблема гендерных исследований // Личность. Культура. Общество. М.: 2003. Вып. 1–2. С. 120–139, С.125.

⁴ Жуков В.П. Русская фразеология. М., 1986. С. 408.

⁵ Tajfel H., Turner J.C. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Worchel, S. & Austin, W. Psychology of Intergroup Relations. Chicago: Nelson-Hall, 1986. P. 7.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб., 1863–1866.

⁷ Агеев В.С. Психологические и социальные функции полоролевых стереотипов // Вопросы психологии. 1987. № 2. С. 156.

⁸ Рябова Т.Б. Цит.соч. С. 139.

⁹ Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1988. С. 272.

¹⁰ Шумкова М.А. Методологические подходы к исследованию гендерных стереотипов // Вест. Удмурт. ун-та. Философия. Психология. Педагогика, 2009. Вып. 1. С. 109.

Поступила в редакцию 16 марта 2012 г.